

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

От эпохи к эпохе: в поисках культурной преемственности
Оружие охотников каменного века
Человек находит друга: арктическая история
От Енисея до Камчатки: новости из древней Сибири
В центре внимания: два взгляда на одну книгу

Ответственный редактор — Леонид Б. Вишняцкий,
Зам. отв. редактора — Сергей И. Коваленко

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 1.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Link of Times

From epoch to epoch: in search of cultural continuity
Hunting weapons of the Stone Age
Man meets dog: an Arctic story
From the Yenisei to Kamchatka: news from ancient Siberia
In the limelight: two reviews of one book

Editor-in-Charge — Leonid B. Vishnyatsky,
Associate Editor — Serghei I. Covalenco

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2016

Stratum plus. Nr. 1.
Arheologie și antropologie culturală

Conexiunea timpurilor

Din epocă în epocă: în căutarea moștenirii culturale
Armele vânătorilor din epoca de piatră
Omul își face prieten: o istorie arctică
De la Enisei până în Kamchatka: noutăți din Siberia străveche
În centrul atenției: două viziuni asupra unei cărți

Redactor responsabil — Leonid B. Vishnyatsky,
Redactor adjunct — Serghei I. Covalenco

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2016

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН: В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

- Л. Б. Вишняцкий (*Санкт-Петербург, Россия*). Смена населения в Европе на рубеже среднего и верхнего палеолита и проблема культурной преемственности 17
- К. Н. Гаврилов (*Москва, Россия*). Миграция, диффузия... развитие? К вопросу о происхождении восточного граветта на Русской равнине . . 29
- К. А. Колобова, С. В. Шнайдер, А. И. Кривошапкин (*Новосибирск, Россия*). Преемственность развития верхнепалеолитических и мезолитических индустрий в западной части Центральной Азии 51
- П. В. Мороз, Г. А. Юргенсон (*Чита, Россия*). Сырьевые предпочтения в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? 65

СЫРЬЕ И ТЕХНОЛОГИИ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

- А. В. Колесник (*Донецк, Украина*). Система расселения и сырьевые стратегии в среднем палеолите Донбасса 79
- К. К. Павленок, А. И. Кривошапкин, А. В. Шалагина (*Новосибирск, Россия*). Технологическая вариабельность оби-рахматяна: художийская индустрия Западного Памиро-Тянь-Шаня 85
- Н. К. Анисюткин (*Санкт-Петербург, Россия*). Новые данные о многослойной палеолитической стоянке в гроте Старые Дуруиторы 103

ОРУЖИЕ ОХОТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА

- С. И. Коваленко, Р. В. Кройтор (*Кишинёв, Молдова*). Оружие из кости, рога и бивня с многослойной стоянки позднего палеолита Косэуць на Среднем Днестре 121
- М. Г. Жилин (*Москва, Россия*). Наконечники стрел бутовской мезолитической культуры 137

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА: АРКТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- В. В. Питулько, А. К. Каспаров (*Санкт-Петербург, Россия*). Костные остатки раннеголоценовых домашних собак из Жоховской стоянки (восточная Сибирская Арктика) и проблема достоверности идентификации древних *Canis familiaris* из археологических раскопок 171

ОТ ЕНИСЕЯ ДО КАМЧАТКИ: ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СИБИРИ

В. М. Харевич, И. В. Стасюк (Красноярск, Россия). Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект.	211
А. Ю. Федорченко (Магадан, Россия). Изделия с резцовыми сколами VI палеолитического слоя стоянки Ушки-I (полуостров Камчатка) . .	223
И. И. Разгильдеева (Чита, Россия). Планиграфия шестиочажного комплекса позднепалеолитического поселения Студёное-2 в Забайкалье.	243
А. В. Тетенькин (Иркутск, Россия). Многослойный памятник Коврижка III на Нижнем Витиме.	265
Е. В. Акимова, В. М. Харевич, Н. Н. Попова (Красноярск, Россия). Стоянка Бюза II — новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище	315
М. Л. Махлаев (Красноярск, Россия), В. С. Зубков (Абакан, Россия), С. А. Васильев (Санкт-Петербург, Россия), О. Ю. Перфилова, О. М. Карнаухова (Красноярск, Россия). Источники сырья позднепалеолитической мастерской Куйбышево 2 на Абакане (Южная Сибирь)	325

РЕЦЕНЗИИ

С. А. Васильев (Санкт-Петербург, Россия). История археологии российской от Мессершмидта до Формозова (Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с. Санкт-Петербург: Евразия, 2014)	339
С. П. Щавелев (Курск, Россия). Отечественная археология в лицах: версия Льва Клейна (Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с. Санкт-Петербург: Евразия, 2014)	351
С. А. Васильев (Санкт-Петербург, Россия). Теоретическая археология от А до Я (Клейн Л. С. Теоретический словарь археологии. Донецк: Донецкий национальный университет, 2014. 279 с.)	365
Ю. Э. Демиденко (Киев, Украина). Сборник в честь юбилея Виолы Добоши (Biró K. T., Markó A., Bajnok K. P. (eds.). 2014. Aeolian Scripts. New ideas on the lithic world studies in honour of Viola T. Dobosi. Inventaria Praehistorica Hungariae XIII. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 344 p.)	369
Письмо в редакцию	375
Список сокращений.	377
Авторам <i>Stratum plus</i>	379

CONTENTS

LINK OF TIMES: IN SEARCH OF CULTURAL CONTINUITY

- L.B. Vishnyatsky** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Population Replacement in Europe during the Middle to Upper Palaeolithic Transition and the Problem of Cultural Continuity** 17
- K.N. Gavrilov** (*Moscow, Russian Federation*). **Migration, Diffusion... Local Development? To the Question of the Eastern Gravettian Origins on the Russian Plain** 29
- K.A. Kolobova, S.V. Shnaider, A.I. Krivoschapkin** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Developmental Continuity Between the Upper Palaeolithic and Mesolithic Industries of Western Central Asia** 51
- P.V. Moroz, G.A. Yurgenson** (*Chita, Russian Federation*). **Raw Material Preferences in the Palaeolithic of Trans-Baikal Region: Cultural Continuity or Technological Necessity?** 65

RAW MATERIALS AND TECHNOLOGIES IN THE MIDDLE PALAEOLITHIC

- A.V. Kolesnik** (*Donetsk, Ukraine*). **Settlement System and Raw Material Use Strategies in the Middle Palaeolithic of Donbass** 79
- K.K. Pavlenok, A.I. Krivoschapkin, A.V. Shalagina** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Technological Variability of the Obi-Rakhmatian: the Industry of Khudji Site, Western Pamir-Tien-Shan** 85
- N.K. Anisyutkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Data on the Multilayered Palaeolithic Site in the Grotto of Duruitoarea Veche** 103

HUNTING WEAPONS OF THE STONE AGE

- S.I. Covalenco, R.V. Croitor** (*Kishinev, Moldova*). **Bone, Antler and Ivory Weapons from the Multilayer Late Palaeolithic Site Cosăuți, Middle Dniester Area** 121
- M.G. Zhilin** (*Moscow, Russian Federation*). **Arrowheads of the Butovo Mesolithic Culture** 137

MAN MEETS DOG: AN ARCTIC STORY

- V.V. Pitulko, A.K. Kasparov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Early Holocene Dog Bones from the Zhokhov Site (East Siberian Arctic) and the Question of the Reliability of Identification of Early *Canis familiaris* from Archaeological Excavations** 171

FROM THE YENISEI TO KAMCHATKA: PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC OF SIBERIA

V.M. Kharevich, I. V. Stasiuk (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Big Blade Industries in the Upper Palaeolithic of the Middle Yenisei Basin. Technological Aspect	211
A. Yu. Fedorchenko (<i>Magadan, Russian Federation</i>). Pieces with Burin Spalls from Cultural Layer VI of Ushki-I (Kamchatka Peninsula)	223
I. I. Razgildeeva (<i>Chita, Russian Federation</i>). Planigraphy of a Six-Hearth Complex of the Late Palaeolithic Settlement of Studenoe-2 in Transbaikalia	243
A. V. Tetenkin (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>). Multilayered Site of Kovrizhka III on the Lower Vitim	265
E. V. Akimova, V.M. Kharevich, N.N. Popova (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Byuza II — a New Early Holocene Site in the Krasnoyarsk Reservoir Area	315
M. L. Makhlaev (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>), V.S. Zubkov (<i>Abakan, Russian Federation</i>), S.A. Vasiliev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), O. Yu. Perfilova, O.M. Karnaukhova (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>). Raw Material Sources of the Late Palaeolithic Workshop of Kuibyshevo 2 in the Abakan River Basin (South Siberia)	325

BOOK REVIEWS

S.A. Vasiliev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A History of Russian Archaeology from Messerschmidt through Formozov (Klejn L. S. <i>Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti. Tom 1. Obshchii obzor i dorevoliutsionnoe vremia. 704 p.; Tom 2. Arkheologi sovetskoi epokhi. 640 p.</i> Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ., 2014)	339
S. P. Shchavelev (<i>Kursk, Russian Federation</i>). National Archaeology in Persons: Leo Klejn’s Rendition (Klejn L. S. <i>Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti. Tom 1. Obshchii obzor i dorevoliutsionnoe vremia. 704 p.; Tom 2. Arkheologi sovetskoi epokhi. 640 p.</i> Saint Petersburg: “Evrasiia” Publ., 2014)	351
S.A. Vasiliev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Theoretical Archaeology from A to Z (Klejn L. S. <i>Teoreticheskii slovar’ arkheologii. Donetsk: Donetsk National University, 2014. 279 p.</i>)	365
Yu. E. Demidenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). A Festschrift in Honor of Viola Dobosi (Biró K. T., Markó A., Bajnok K. P. (eds.). 2014. <i>Aeolian Scripts. New ideas on the lithic world studies in honour of Viola T. Dobosi. Inventaria Praehistorica Hungariae XIII. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 344 p.</i>)	369
Letter to the Editor	375
List of Abbreviations	377
Submissions	379

С. А. Васильев

**История археологии российской
от Мессершмидта до Формозова**
(Клейн Л. С. История российской археологии: учения,
школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное
время. 704 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. 640 с.
Санкт-Петербург: Евразия, 2014)

Несколько лет назад в издательстве Петербургского университета вышел в свет объемистый двухтомник Л. С. Клейна по истории мировой археологии. Фундаментальная монография, включавшая развернутый анализ основных течений и направлений археологической мысли, по праву заняла место среди лучших образцов исторических очерков формирования и развития нашей науки. При этом в тексте двухтомника, посвященного людям и событиям зарубежной науки, имелись фрагменты, рассказывающие о российской археологии. В частности, были рассмотрены типология В. А. Городцова и палеоэтнология Б. С. Жукова (Клейн 2011, I: 648—656), «комбинационизм» Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева (Клейн 2011, I: 657—680), Н. Я. Марр и стадиялизм в советской археологии 1930-х гг. (Клейн 2011, II: 3—23), работы В. М. Массона (Клейн 2011, II: 57—59) и Л. Б. Вишняцкого (Клейн 2011, II: 461—464). Участники состоявшегося на Методическом семинаре ИИМК РАН обсуждения книги единодушно пожелали автору продолжить свой труд и дополнить представленную в двухтомнике панораму очерком истории археологии в России, вводя развитие отечественной науки в контекст мировой археологии.

Казалось бы, кому как не Л. С. Клейну с его феноменальной эрудицией, обширным исследовательским и преподавательским опытом, блестящим слогом, написать подобную книгу? К сожалению, вышедший из печати новый двухтомник представляет собой не долгожданный «русский» вариант труда по истории археологической мысли, а книгу

иного жанра — сборник жизнеописаний ряда видных археологов. Монография носит подзаголовок: учения, школы и личности. Увы, учениям и школам, то есть наиболее интересным для профессионалов аспектам истории науки, уделено минимальное внимание, а основная часть работы представляет собой собрание очерков, посвященных биографиям выдающихся деятелей отечественной археологии.

Гипертрофированное внимание к личным чертам исследователя — беда нынешних работ по истории археологии, как в нашей стране, так и за рубежом. И. В. Тункина (2010) даже изобрела для обозначения этого явления термин «антропологический поворот». Возникает вопрос: насколько личные особенности ученого влияют на его научное творчество? Представляется, что, если такое влияние и есть, то оно минимально. Приведу близкий мне пример. На протяжении десятилетий в нашем коллективе (Секторе палеолита ЛОИА) трудились бок о бок два выдающихся исследователя — П. И. Борисковский и А. Н. Рогачев. Трудно представить себе столь противоположные личности — рафинированный ленинградский интеллигент, знаток иностранных языков, человек широкого культурного кругозора — и выходец из крестьян, до конца жизни не освоившийся от деревенского выговора. Между тем, это различие не мешало П. И. Борисковскому и А. Н. Рогачеву быть крупными специалистами в области археологии палеолита, и вклад их в развитие науки о древнейшем человеке в нашей стране вполне сопоставим.

Прежде всего, стоит сказать несколько слов об отборе героев очерков. Как неоднократно указывал автор рецензируемого труда (2, с. 7, 559, 560), здесь не обошлось без субъективизма. Вероятно, античников поразит отсутствие фамилии Г.Ф. Гайдукевича, археологов-сибиряков — С.А. Теплоухова (правда, очерк о нем оказался «вставлен» в главу, посвященную М.П. Грязнову), исследователей трипольской культуры — С.Н. Бибикова, специалистов по археологии Поволжья — А.П. Смирнова и Г.А. Федорова-Давыдова и т.д. Более всего не повезло среднеазиатской археологии. Очерков о С.П. Толстове, М.Е. и В.М. Массонах недостаточно. Если имя А.Н. Бернштама неоднократно появляется на страницах книги, то отсутствие таких ключевых фигур, как Б.А. Литвинский, А.М. Мандельштам и А.М. Беленицкий, препятствует объективному рассмотрению одной из основных ветвей отечественной археологии в исторической перспективе.

Что касается палеолита, то Л.С. Клейн перечислил основных деятелей нашей отрасли археологии, но бросается в глаза отсутствие одного, но значимого исследователя — П.И. Борисковского. Между тем, помимо важных полевых открытий (длинное жилище в Пушкарях, Амвросиевское костыще, жилище и погребение в Костенках II и др.), П.И. Борисковский сыграл большую роль в усовершенствовании методики изучения палеолитических жилищ и поселений, сочетая план и разрез при раскопках Пушкарей; им же на материалах стоянки Боршево II одним из первых была сформулирована проблема характера и причин вариабельности каменного инвентаря в пределах жилой стоянки. В работе «Палеолит Украины» П.И. Борисковский выдвинул своеобразную стадиялистскую версию развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине, во многом отличающуюся от положений П.П. Ефименко. Не менее значительна организаторская роль П.И. Борисковского, долгое время возглавлявшего основной коллектив исследователей каменного века в стране — Сектор палеолита ЛОИА, преподававшего на кафедре археологии ЛГУ и подготовившего большое число учеников. В 1960-е гг. именно П.И. Борисковский вывел отечественную археологию палеолита из долгой международной изоляции, возобновив столь важные для нее контакты с Францией, прерванные после поездок А.А. Миллера и Г.А. Бонч-Осмоловского.

Включить несколько дополнительных глав стоило бы, не меняя объема двухтомника, про-

сто сокращая ненужные подробности и убирая повторы. Так, детальное описание разговора между Б.А. Рыбаковым и Г.Б. Федоровым приведено дважды (2, с. 201—202, 526—527). Из первого тома можно было бы без большого ущерба удалить несколько фигур, не слишком заметных для истории археологической науки. Как справедливо признает сам автор (1, с. 341—342), для К.С. Мережковского и Н.К. Рериха археология была лишь эпизодом в жизни. К.М. Бэр, безусловно, стимулировал своими выступлениями формирование первобытной археологии в России, но сам никогда археологией не занимался.

Содержание глав очень различается. Лишь в редких случаях мы находим необходимое для научной биографии сочетание описания обстоятельств жизненного пути героя очерка с его профессиональными достижениями (главы о Б.А. Рыбакове, П.Н. Третьякове, М.И. Артамонове). В основном же речь идет только об археологии как роде деятельности, а не науке. В центре внимания каждого очерка находятся отношения описываемого археолога с властью, его политические взгляды, жизненный путь и административная карьера, положение в среде коллег. В целом книга чрезмерно политизирована. «Атмосфера в археологии зависит от политики» (1, с. 23). Бросается в глаза назойливое желание Л.С. Клейна видеть следы вездесущего влияния ВЧК-КГБ там, где оно есть, и там, где его нет. Трудно всерьез обсуждать возможное использование С.А. Семенова в качестве соглядата в экспедиции С.И. Руденко (2, с. 171). Правда, Л.С. Клейн, выдвинув эту странную версию, сам же ее отвергает. Особо пристальное внимание Л.С. Клейн почему-то обращает на дефекты дикции описываемых персонажей и их взаимоотношения с алкоголем. Непьющие археологи (М.Е. Массон, И.И. Ляпушкин, А.П. Окладников) получают поощрительные оценки, зато осуждаются злоупотреблявшие горячительными напитками (И.С. Поляков, В.И. Равдоникас, С.П. Толстов).

В главе о К.С. Мережковском информация об исследовании крымских пещер занимает буквально полстраницы, зато подробно расписаны скандалы, связанные с сексуальными извращениями персонажа. Не упомянута даже важная работа К.С. Мережковского по каменному веку Египта и Сирии, где он ввел крымские материалы в контекст ближневосточного круга культур (Мережковский 1881). Глава о Н.К. Рерихе посвящена перипетиям его путешествий, мистическим откровениям и сложным отношениям с органами государственной безопасности. Основное содержание очерка

№1. 2016

о Г.А. Бонч-Осмоловском занимает нарезка цитат из дневника жены исследователя, а вот о научных достижениях сказано до обидного мало.

Поскольку Л.С. Клейн предупреждает, что состояние здоровья не позволило ему работать в архивах (2, с. 559), то при описании биографий автор опирается, помимо литературы, на зыбкую почву устных преданий, рассказов, слухов, то есть своего рода «археологический фольклор», достоверность которого нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Вряд ли сейчас можно сказать, имела ли место в действительности высказанная в 1930-е гг. уничижительная оценка своего ученика П.И. Борисковского со стороны П.П. Ефименко (2, с. 496), или сделанное много позднее предложение Н.Н. Дикова, обращенное к А.П. Окладникову, на предмет географического «раздела» археологии в масштабе страны (2, с. 322—323). Кто рассказал А.А. Формозову о плаче М.П. Грязнова по поводу якобы «погубленного» им С.А. Теплоухова (2, с. 439), установить нельзя, скорее всего, это просто выдумка. Даже приводимый в главе о Б.Н. Гракове (2, с. 186—187) известный всем археологам бородатый анекдот о посылке из поля телеграммы: «Шлите денег. Поиздержался на баб» (имеются в виду расходы на перевозку в музей каменных изваяний), существует в десятке вариантов. При этом авторство телеграммы приписывается практически всем известным в ту пору московским и ленинградским археологам. В.И. Равдоникас в разных версиях валялся в пьяном безобразии в момент разбора его персонального дела то на Малом подъезде Эрмитажа, то на лестнице ИИМКа, то у порога главного зала здания Академии наук и т.д.

Местами малопонятна разбивка персонажей по разделам и томам, порой причудливо нарушающая хронологию. Возьмем двух живших в одно время и сыгравших сходную роль в истории отечественной науки о палеолите деятелей — Д.Н. Анучина и Ф.К. Волкова. Оба исследователя рассматривали первобытную археологию как раздел антропологии, оба создали палеоэтнологические школы (в Москве и Петербурге), оба служили в качестве связующего звена между европейской и российской наукой. Но жизнеописание Д.Н. Анучина оказалось в первом, дореволюционном, томе в разделе «Корифеи» (1, с. 390—410), а Ф.К. Волков странным образом попал во второй, советский, том среди «Передачиков традиций» (2, с. 13—27). Между тем, если обратиться к биографиям исследователей, то стоило бы поставить

очерки в обратном порядке. Д.Н. Анучин продолжил после революции преподавание в Московском университете, много занимался с учениками, и успел до своей кончины выпустить уже в Советской России популярные книги о происхождении человека. По-иному сложилась судьба Ф.К. Волкова, который после революции собрался покинуть Петроград и возглавить кафедру в Киеве, в дороге заболел и умер. Вся его научная деятельность протекала исключительно в предреволюционную пору. Основная археологическая активность Н.Е. Макаренко (раскопки Мариупольского могильника), напротив, выпала на советский период, но очерк о нем помещен в 1 томе (1, с. 525—538), вслед за В.В. Хвойко.

Приступим к обзору содержания двухтомника по главам. Первый том открывается кратким введением с обзором существующих работ по истории российской археологии. Далее следует 1 часть, посвященная аспекту, который в западной литературе именуется «социальной историей археологии», то есть внешним условиям осуществления археологической деятельности в стране, формированию и развитию археологических институтов, отношению общества и власти к археологии.

В историческом плане автор книги описывает отношение к древностям в допетровской Руси, «царский антикварианизм» XVIII в., формирование интереса к античности и национальным древностям, образование основных археологических институтов дореволюционной России в середине XIX в., становление РАИМК-ГАИМК после революционных бурь. Далее следует изложение хроники попыток перестройки науки на марксистской основе в конце 1920—1930-е гг.

Говоря о стадиялизме, Л.С. Клейн пишет: «специфика теории стадийности именно в гиперболическом и упрощенном, схематическом понимании скачкообразности развития, в наполнении этой схемы этническим содержанием и полным отрицании миграций и влияний, в повсеместном автохтонизме» (1, с. 70). Достаточно обратиться к текстам творцов теории стадийности, чтобы убедиться, в несправедливости подобного обвинения. «Вовсе не следует, что так называемые “внешние факторы”, включая сюда и миграции и заимствования, не играют никакой роли в истории. Чтобы понять конкретный исторический процесс, необходимо учесть все его связи и опосредования, в том числе взаимодействие данного общества с другим. Следовательно, если миграции и заимствования действительно в том или другом случае происходили — они и их результа-

ты должны подвергнуться конкретному изучению и объяснению только в свете подлинных источников» (Равдоникас 1939: 52). Как мы видим, стадиалисты не отрицали ни миграций, ни заимствований. Просто они рассматривали эти факторы как второстепенные по сравнению с внутренним социально-экономическим развитием, приводившим к изменениям в культуре.

В историческом плане стадиалистская версия развития палеолитической культуры была на две головы выше наивного миграционизма, доминировавшего в западной археологии в 1930-е гг. Очень жаль, что это оригинальное и интересное направление до сих пор не стало предметом развернутого объективного анализа, как в плане сопоставления с течениями зарубежной научной мысли, так и влияния на последующее развитие археологии в нашей стране.

Кратко проследив основные этапы развития археологии в нашей стране в позднесоветское и «перестроечное» время, Л. С. Клейн завершает главу замечаниями по поводу современного состояния дел. Увы, ни об одной из основных проблем (а их немало!) нынешней российской археологии Л. С. Клейн не пишет. Между тем, стоило бы обсудить на страницах подобного капитального труда волнующие профессиональное сообщество вопросы, указать на исторические корни явлений, провести сравнение положения дел в нашей стране и за ее пределами. В наше время мы сталкиваемся с беспрецедентной ситуацией в области охраны памятников в условиях введения частной собственности на землю и неоднозначности правового регулирования. Сложности усугубляются разрушением традиционной системы подготовки кадров в ходе бездумного реформирования высшей школы, пышным цветением частных археологических контор, готовых на все в интересах заказчика, и разгулом «черной археологии».

Из числа характеристик современной российской археологии Л. С. Клейн выбирает всего одну — расцвет региональных центров и уменьшение роли традиционных институтов Москвы и Петербурга. Вопреки мнению Л. С. Клейна (1, с. 94), возвышение новосибирского центра в качестве лидера отечественной науки о древностях связано не только с обильным финансированием. В наши дни в археологии есть частные лавочки, располагающие за счет хоздоговорных работ немалыми средствами, между тем как научное значение их деятельности равно нулю. Финансирование

для успешных занятий наукой вещь необходимая, но не достаточная. Большие средства выделяются под перспективные программы, нужны масштабные оригинальные идеи, а уж потом под идеи можно запрашивать финансирование. Мне трудно представить в современной российской археологии кого-либо, кроме академика А. П. Деревянко, способного наметить, возглавить и реализовать программу изучения азиатского палеолита от Монголии и Алтая на востоке через Казахстан и Среднюю Азию до Кавказа на западе. Не меньшее значение имеет превращение Денисовой пещеры в стационар для комплексного исследования сложнейших процессов взаимодействия различных типов ископаемого человека и формирования верхнепалеолитической культуры с привлечением лучших специалистов-генетиков. А ведь я упомянул только о палеолитическом направлении деятельности института. Результаты исследования В. И. Молодиным и Н. В. Полосьмак скифских курганов Алтая также получили всемирное признание.

Следующий раздел, озаглавленный «Часть II. Движение археологической мысли», предельно краток (немногим более 30 страниц). Если оставить в стороне донучную «народную археологию», то Л. С. Клейн выделяет сменявшие друг друга «просветительский рационализм» XVIII в., «стилистический компаративизм» античной археологии, «романтический этнографизм» исследований древних славян в XIX в., «археологический прогрессизм» А. С. Уварова. Предпринятое Л. С. Клейном отделение эволюционизма от палеоэтнологических школ Д. Н. Анучина и Ф. К. Волкова представляется мало оправданным, что как будто признает сам автор (1, с. 110). Лежавшая в основе появления этих идей в России французская палеоэтнология XIX в. рассматривала первобытную археологию именно как продолжение естественных наук вне всякой связи с этнологией (термины «палеоэтнология» и «этнология» здесь сходны чисто лингвистически, но не по сути). Данное направление, кстати, живо во Франции до сих пор в деятельности Института палеонтологии человека.

Далее кратко описывается диффузионизм В. А. Городцова и «комбинационизм» М. И. Ростовцева. За ними следуют нечетко разделяемые «стадиализм» и «марксистский социоисторизм»; рецидивы последнего автор видит в работах В. М. Массона и В. Ф. Генинга. Л. С. Клейн выделяет некий «субмиграционизм», имея в виду исследователей, при-

№1. 2016

знававших роль миграций в доистории, хотя и не в качестве основного фактора смены культур, как в классическом миграционизме. Речь скорее должна идти о сменившем с начала 1950-х гг. стадиялизм подходе, ориентированном на выделение археологических культур и признающем в равной мере возможности внутренней эволюции обществ прошлого, миграций, диффузии культуры. Это обычная культурно-историческая археология. Говоря о развитии науки в 1960—1980-х гг., автор скороговоркой упоминает интерес к дескриптивной археологии, экологическому подходу и т.д. Завершает главу описание защиты диссертации молдавского археолога М. Ткачука в 1995 г., которую автор рассматривает в качестве примера постпроцессуализма в нашей археологии. На этом текст обрывается; ни критического рассмотрения нынешних веяний в области теории и методологии, ни сопоставления ситуации в России и за рубежом в книге, к сожалению, нет.

Основную, третью, часть работы представляют собой очерки, посвященные выдающимся фигурам отечественной археологии. Открывают серию «Пионеры» — ученые путешественники XVIII в. (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер), первооткрыватели античных древностей юга России (П. Дюбрюкс, И. Стемпковский), а также искатель славянских городищ З. Ходаковский. Далее следуют «Основатели» — деятели, сформировавшие структуру русской дореволюционной археологии (А. Н. Оленин, К. М. Бэр, С. Г. Строганов, А. С. Уваров). К числу «Корифеев» отнесены Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Бранденбург, А. А. Бобринский, Д. Н. Анучин и А. А. Иностранцев.

В главе о последнем исследователе с удивлением читаем: «С убийством Александра II в 1881 г. либеральный период закончился. С 1882 г. до революции не печатались книги о каменном веке. Книга Иностранцева не только первая в ряде отношений, но и последняя в царское время» (1, с. 425). Как же быть с томами Г. и А. де Мортилье, М. Гернеса и Г. Обермайера? Как быть с десятками изданных за предреволюционные годы переводных и оригинальных сочинений по каменному веку разной степени популярности? Чтобы не перегружать список литературы, сошлюсь на соответствующий том библиографии (Заднепровская 2003: 93—96, 392—400).

Продолжает повествование серия очерков «Открыватели», включающая рассказы о И. Е. Забелине, Н. И. Веселовском, И. С. Полякове, В. В. Хвойко, Н. Е. Макаренко. Далее

идут «Классики», к числу которых Л. С. Клейн причисляет Н. П. Кондакова, А. А. Спицына, В. А. Городцова и М. И. Ростовцева. Наконец, закрывают том «Спорные фигуры» — Н. К. Рерих и К. С. Мережковский.

Говоря о книге В. А. Городцова «Археология. Т. 1. Каменный период» (1923) Л. С. Клейн отмечает: «На эту книгу Жуков написал уничтожающую рецензию, показав, что книга Городцова сильно устарела: автор остановился в изложении периодизации на Буше де Перте — ни Мортилье, ни Брейль и его современники не учтены» (1, с. 598). Как известно, периодизация Буше де Перта с «диллювиальными» эпохами относится к середине XIX в., она предшествует по появлению не только схеме Мортилье, но даже классификации Ларте, так что невозможно представить, чтобы ей пользовался кто-либо из профессиональных археологов в 1920-е гг. Открываем пожелтевшие страницы книги В. А. Городцова и видим, что Буше де Перт только упомянут в историческом разделе книги, а вся периодизация, несмотря на высказанные критические замечания, в точности повторяет схему Мортилье-Брейля. Единственное, что внес В. А. Городцов, так это оригинальную и не прижившуюся терминологию. Так, он называл нижний палеолит «археолитической эпохой», средний — «мезолитической эпохой», а верхний — «палеолитической эпохой». Разумеется, от того, что ориньяк у В. А. Городцова именуется ранней порой палеолитической эпохи, солютре — средней, а мадлен — поздней, суть дела не меняется.

А вот в плане подхода к палеолитическим индустриям В. А. Городцов шел в том же направлении, что А. Брейль, переводя классификацию палеолита из плана временной разбивки комплексов в плоскость выделения пространственных культурных общностей. «В археологических работах часто смешивают классификации культур с классификацией археологического времени. Это — грубая ошибка, хотя, при классифицировании археологического материала и приходится серьезно считаться с культурами, как более или менее определенными комплексами вещественных памятников...» (Городцов 1923: 29). Отсюда понятно его стремление к выделению восточноевропейских культур в палеолите в особые типы по сравнению с западноевропейскими образцами.

Можно гадать, как обстояло дело у В. А. Городцова со знанием иностранных языков (1, с. 587), но в работе задействована вся вышедшая в свет до 1916 г. включительно литера-

тура по палеолиту на немецком, французском и английском языках, включая не только статьи А. Брейля, Л. Капитана, Р. Шмидта и Г. Обермайера, но и книгу Г. Ф. Осборна.

Второй том рецензируемого труда целиком посвящен археологам советской поры. Его открывает серия очерков, получившая общее название «Передачики традиций» (Ф. К. Волков, А. А. Миллер, Б. С. Жуков, Б. В. Фармаковский, П. П. Ефименко, Т. С. Пассек).

Совершенно неудовлетворителен очерк о П. П. Ефименко. Казалось бы, длинная жизнь «патриарха отечественного палеолитоведения» представляет собой богатый материал для научного биографа, вот где можно проследить сложную судьбу личности на фоне жизни страны, накопление и осмысление материала, поиск новых подходов, неоднократную смену исследовательских установок. Начав формироваться как археолог в среде палеоэтнологической школы Ф. К. Волкова, П. П. Ефименко рано становится лидером науки о древнекаменном веке в нашей стране. Он осознает своеобразие палеолитической культуры на Русской равнине по сравнению с эталонной французской последовательностью, впервые выделив здесь археологические культуры. Начало 1930-х гг. — время резкого слома исследовательских установок, и П. П. Ефименко оказывается на переднем крае новой, марксистской археологии, формулирует стадийную версию развития культуры, реализует проект изучения на широкой площади жилого комплекса Костенок I. Интереснейшая работа «Значение женщины в ориньякскую эпоху» является одним из первых в мировой науке опытом исследования по гендерной археологии. И, наконец, завершающий этап жизни и творчества П. П. Ефименко ознаменовался постепенным признанием археологических культур в палеолите и возвратом, по сути, к собственным идеям 1920-х гг.

Вместо этой увлекательной истории мы находим в главе рассказ о «мрачном и нудном» характере ученого, его психопатии, бородавках и урологических заболеваниях, изнасилованных родственницах и массу прочих деталей, не имеющих никакого отношения к теме. Получается в итоге не биография, а какая-то история болезни. Даже упорядочение П. П. Ефименко русскоязычной терминологии для описания каменных орудий Л. С. Клейн склонен связывать с «психопатической страстью к порядку» (2, с. 63). Следуя такой странной логике, данный диагноз можно поставить всем археологам-

палеолитчикам, проводящим основное время за классификацией коллекций каменного инвентаря.

Неверно утверждение о том, что в 1920-е гг. П. П. Ефименко «в трактовке палеолита... просто придерживался эволюционизма в духе Мортилье, но с учетом того, что на Западе схемы Мортилье уже давно были отвергнуты ради концепции Брейля» (2, с. 66). «Он бесхитростно применил к европейской части СССР эволюционную схему Мортилье, однолинейный подъем от ступени к ступени, но с некоторыми поправками Брейля» (2, с. 68). Создавая схему периодизации палеолита Русской равнины, П. П. Ефименко, наряду с хронологическими ступенями, указывал наличие культурных общностей, отражавших, по его мнению, расселение племенных групп. В пределах среднеленского времени он выделил сосуществовавшие мезинскую и гонцовскую культуры (Ефименко 1928).

Говоря о работах в Костенках, Л. С. Клейн пишет, что «ни в это время, ни впоследствии Ефименко не приглашал к сотрудничеству геологов, зоологов и ботаников» (2, с. 68). Между тем, стоит открыть книжку «Костенки I» чтобы усомниться в этом выводе. Здесь даны результаты изучения гумусных горизонтов, проведенного А. П. Никитиным (Ефименко 1958: 24—26). Тут же находим ссылки на мнение такого авторитетного геолога, работавшего в Костенках, как М. Н. Грищенко. Фаунистические остатки из Костенок I были переданы В. И. Громову, опубликовавшему результаты определения (Громов 1948: 202); ссылки на эту работу есть в монографии П. П. Ефименко. Что касается «ботаников» (вероятно, имеются в виду палинологи), то в 1930-е гг., когда велась раскопки, палинология еще не входила в обязательный набор естественнонаучных методов, применяемых при изучении палеолитических стоянок.

Л. С. Клейн упрекает П. П. Ефименко в том, что тот не использовал «проблемную статью» Г. Чайлда о Костенках. Данная работа (Childe 1956), кстати, упомянутая в списке литературы в книге П. П. Ефименко (1958: 451), представляет собой простой пересказ на английском языке публикаций самого П. П. Ефименко, А. П. Окладникова и А. Н. Рогачева начала 1950-х гг. Г. Чайлд указывал на разницу в определении комплекса Костенок I у Д. Гаррод (как принадлежащего к восточному граветту), и у П. П. Ефименко (как солютрейского). Материала маститый автор

не знал, от археологии палеолита был далек, так что в вопросы выделения культур в палеолите он не вдавался, ограничившись осторожной фразой о невозможности применения термина «солютре» к материалам всей Европы. Вместо обсуждения подобных компиляций в книге П.П. Ефименко мы находим обстоятельную полемику с А.Н. Рогачевым. Так что, вопреки мнению Л.С. Клейна (2, с. 77, 500), П.П. Ефименко в 1950-е гг. отнюдь не «отмалчивался» в дискуссии о локальности и стадиальности в палеолите.

Изложенная в книге история открытия палеолитических жилищ (2, с. 70—71) также неточна. С.Н. Замятнин не переходил в Гагарино в 1929 г. к раскопкам широкими площадями, он исследовал знаменитое жилище в 1926, 1927 и 1929 гг. на небольших участках и только в 1927 г. идентифицировал вскрываемые остатки как следы жилого сооружения. Говоря о первых открытиях искусственных сооружений в палеолите, Л.С. Клейн не упоминает наиболее известную находку Д. Пейрони в Фурно-дю-Дьябль в 1924 г. Интересно отметить, что открытие французского ученого для коллег осталось любопытным, но малозначительным фактом. Так продолжалось во Франции несколько десятилетий вплоть до работ А. Леруа-Гурана, вдохновленного, в свою очередь, результатами изучения палеолитических жилищ и поселений в Советском Союзе (см. Vasil'ev 2004). Итак, одинаковое открытие в одном случае (во Франции) не привлекло заметного внимания научной общественности, а в другом (в СССР) оказалось поворотным пунктом, перевернувшим всю направленность исследований в стране на десятилетия. Это показывает, что научное открытие не существует само по себе; оно может быть оценено только в контексте господствующих в данное время и в данном научном сообществе концепций, общих принципов подхода к материалу. Вот где интереснейший сюжет для истории науки!

О первом издании книги «Дороговое общество» (Ефименко 1934) Л.С. Клейн замечает: «Иностранная литература была использована очень скудно» (2, с. 73). Вероятно, причина такого странного утверждения в том, что в издании 1934 г. отсутствует общепринятый аппарат; есть лишь немногочисленные подстрочные ссылки, в основном на русские публикации. Если обратиться к тексту книги П.П. Ефименко, то легко убедиться в том, что автор «очень скудно» использовал практически всю имевшуюся к началу 1930-х гг. лите-

ратуру по палеолиту на французском, немецком и английском языках, включая не только дореволюционные издания, но и публикации 1920-х гг. (Д. Пейрони, Д. Гаррод, Р. Невилль, Г. Обермайер и др.). Согласитесь, это удивительно для человека, который, по мнению Л.С. Клейна, «не владел иностранными языками» (2, с. 64).

Из рецензируемой книги узнаем, что «в Ленинграде Ефименко создал обширную археологическую школу, к которой принадлежат М.М. Герасимов, А.П. Окладников, С.А. Семенов, П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев, М.З. Паничкина и др., отчасти также Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Замятнин...» (2, с. 73). Из перечисленных археологов к школе П.П. Ефименко, строго говоря, относятся только П.И. Борисковский и А.Н. Рогачев. Г.А. Бонч-Осмоловский, как и сам П.П. Ефименко, был учеником Ф.К. Волкова. М.М. Герасимов и А.П. Окладников — питомцы иркутской палеоэтнологической школы Б.Э. Петри. С.Н. Замятнин и С.А. Семенов осваивали азы археологии в разные годы во многом самостоятельно. М.З. Паничкина в основном училась у С.Н. Замятнина.

Далее следует серия очерков «Зачинатели “марксистской” археологии». Она открывается рассказом о деятельности Н.Я. Марра — фигуры, без которой невозможно представить себе судьбы отечественной археологии и лингвистики 1920—1930-х гг. Потом идут жизнеописания В.И. Равдоникаса, А.В. Арциховского, С.А. Семенова, Б.Н. Гракова.

Несмотря на излагаемую Л.С. Клейном канву жизненного пути С.А. Семенова, автор книги не может отделаться от созданного им мифа о связи трасологического метода с криминалистикой, которой С.А. Семенов якобы увлеченно занимался в Средней Азии в разгар Гражданской войны (вероятно, при помощи таких приборов, как наган или маузер). «Формирование исследовательского облика Семенова является наглядной иллюстрацией этого логического пути — от чекиста-следователя к археологу-исследователю» (2, с. 168). В другом месте прямо читаем о С.А. Семенове: «В аспирантуру был принят отличившийсяследователь ЧК» (1, с. 67). На самом деле служба в рядах ЧК была лишь кратковременным эпизодом в биографии С.А. Семенова, и между Гражданской войной и аспирантурой в ИИМКе прошло немало времени. Так что о «раннем уходе из ЧК в науку» (2, с. 170) говорить не приходится.

Говоря об истории зарождения метода С.А. Семенова, Л.С. Клейн справед-

ливо отмечает интерес к функционально-технологическим сторонам археологии в нашей стране в 1920—1930 е гг. (2, с. 169). При этом он не упоминает наиболее близкие по направленности к трудам С. А. Семенова опыты М. М. Герасимова (1941), который в те же годы занимался реконструкцией техники обработки кости, рога и бивня на материалах стоянки Мальта, привлекая, наряду с наблюдениями и этнографическими сопоставлениями, данные собственных экспериментов.

Кстати, незнание иностранных языков (о чем пишет Л. С. Клейн) не помешало С. А. Семенову вести на страницах журнала «Quartär» интереснейшую полемику о подходах к анализу технологии расщепления камня с признанным лидером тогдашней науки о палеолите Ф. Бордом (см. Vasil'ev 2011). Напрасно Л. С. Клейн свысока оценивает теоретические труды С. А. Семенова. «Стараясь подняться на теоретический уровень, так сказать, выше своих возможностей...» (2, с. 175). Трудно представить себе в мировой археологии палеолита теоретический уровень выше Ф. Борда и А. Леруа-Гурана, а С. А. Семенов на равных дискутировал с первым, а в своих рукописях анализировал развитие техники в истории человечества, не уступая второму. Работая с бумагами С. А. Семенова в России и А. Леруа-Гурана во Франции, мне приходилось поражаться сходству мысли этих двух выдающихся исследователей первобытности (Васильев 2008; Vasil'ev 2008; 2014). С. А. Семенов был одним из редких оригинальных мыслителей в отечественной науке о древностях. Стоит пожалеть, что рукописи книги «Некоторые методологические проблемы археологии», как и ряд других теоретических текстов С. А. Семенова, остаются пылиться в архиве ИИМК.

Следующая серия археологов объединена под заголовком «Искатели национальных корней» (Б. А. Рыбаков, М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, А. Я. Брюсов, С. П. Толстов). В силу специфики исследовательских интересов самого Л. С. Клейна очерки о первых трех деятелях наиболее фундированы; здесь, помимо биографий, обсуждаются сложные перипетии дискуссий по поводу славянского этногенеза. Далее идут «Раздвигатели горизонтов» (С. И. Руденко, Б. А. Куфтин, А. П. Окладников, О. Н. Бадер, Б. Б. Пиотровский, С. В. Киселев, М. Е. и В. М. Массоны).

Тяжелое впечатление производит глава об А. П. Окладникове. Пожалуй, никому из археологов советской поры не воскуряли

столько фимиамов при жизни, и никого не обливали такими помоями после смерти. Как пишет Л. С. Клейн (2, с. 306), «составить себе объективное представление об Окладникове нелегко, несмотря на то, что литературы о нем порядочно». Добавим, — нелегко, но возможно, если при этом опираться на труды самого исследователя, а не писания злобных завистников.

Говоря о работе А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», Л. С. Клейн пишет: «Формозов... издеваясь над его многословием, обилием цитат из классиков марксизма и материалов, не относящихся к делу, приводит примечательный факт: когда первый том перевели в США (в 1952 г.), американцы выкинули все постороннее — и получилось из фолианта в 412 страниц брошюра в 96 страниц» (2, с. 312).

Эти сведения не соответствуют действительности. Первый том монографии А. П. Окладникова (Окладников 1950) никогда не переводился на английский язык. В библиографии А. П. Окладникова за 1952 год также нет изданий на английском языке. Единственная публикация объемом 96 страниц, которая может иметься в виду, — это тоненькая книжка, изданная Музеем археологии и этнологии Пибоди Гарвардского университета в серии переводов русских источников в 1959 (не в 1952!) году (Okladnikov 1959). Книга представляет собой полное переиздание обширной вступительной главы, написанной А. П. Окладниковым для тома «Народы Сибири» из серии «Народы мира» (Окладников 1956).

Касаясь дискуссии относительно возраста Диринг-Юряха (названного Л. С. Клейном Диринг-Юрахом), Л. С. Клейн пишет: «слепая увлеченность Мочанова собственными открытиями облегчила Окладникову и его сторонникам борьбу с Мочановым» (2, с. 320). А. П. Окладников тут вовсе не при чем, поскольку он умер в 1981 г., а обсуждаемый памятник был открыт осенью 1982 г.

Не знакомый с сибирской археологией читатель узнает о чудовищном притеснении со стороны А. П. Окладникова бедных археологов, имевших несчастье жить и работать за пределами Новосибирска. Между тем, нетрудно заметить, что формирование и расцвет практически всех региональных археологических центров в Сибири и на Дальнем Востоке по странному стечению обстоятельств совпадает с годами, когда А. П. Окладников в силу своего административного положения безраздельно контролиро-

вал не только археологическую деятельность, но и весь комплекс гуманитарных наук в Сибири. Добавим, что основная монография бывшего почитателя, а ныне неистового ниспровергателя А.П. Окладникова увидела свет не в Москве, а именно в контролируемом А.П. Окладниковым сибирском отделении издательства «Наука» (Мочанов 1977).

Обвинение питомцев А.П. Окладникова в «изрядном дилетантизме» (2, с. 324) несправедливо. Кстати, из трех упомянутых в тексте сибирских археологов, которых Л.С. Клейн милостиво исключает из числа «дилетантов», учеником А.П. Окладникова, собственно говоря, является только А.П. Деревянко. М.В. Шуньков — воспитанник иркутской археологической школы, а В.И. Молодин — ученик Т.Н. Троицкой.

В следующем разделе, посвященном О.Н. Бадеру, читаем: «Сунгирь считают сезонной стоянкой охотников на мамонтов, но соотношение костей мамонтов с другими не подсчитано, а сами кости утеряны» (2, с. 337). «Утраченная» фауна Сунгиря из первых лет раскопок описана В.И. Грозовым и Э.А. Вангенгейм (Бадер и др. 1966). В дальнейшем, действительно, часть коллекции, хранившейся в Геологическом институте АН СССР, пропала (не по вине О.Н. Бадера), но основные данные опубликованы (Алексеева 1998).

Что касается методики изучения Сунгиря, то я не был бы здесь столь категоричен. Речь идет о спасательных раскопках культурного слоя на дне действующего карьера (который не прекращал работу и разрушение памятника на других участках; см. Бадер 1978: 18—19). Сам слой во многом оказался нарушен земляными работами и сильно поврежден мерзлотными процессами. В этих условиях шансы обнаружить остатки жилищ минимальны, а вот ямы и погребения, находившиеся ниже основного уровня культурного слоя, сохранились.

Не будучи специалистом в области археологии Средней Азии и не рассматривая научный вклад В.М. Массона, все же замечу, что заслугу отделения ленинградской части Института археологии от Москвы нельзя приписывать исключительно его личной инициативе (2, с. 373). В те годы это был общий для всех ленинградских академических институтов процесс, и отделение с неизбежностью было создано, при В.М. Массоне или без него. Возможно, в последнем случае институт носил бы более благозвучное и связанное с археологией название, чем длинное и нелепое «Институт истории материальной культуры».

Кстати, в отличие от Л.С. Клейна, я не расцениваю приобретение ленинградским отделением независимости как однозначно положительное явление, тут были свои плюсы и минусы. Снятие В.М. Массона с поста директора института состоялось по результатам голосования научных сотрудников ИИМК, а вовсе не в результате закулисных интриг неких московских злодеев, на что намекает Л.С. Клейн (2, с. 390).

«Мастера» — под таким именем Л.С. Клейн объединяет фигуры А.А. Иессена, В.Д. Блаватского, И.И. Ляпушкина, М.П. Грязнова, В.Ф. Генинга. Завершает книгу раздел «Нонконформисты», куда попали Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Замятнин, А.Н. Рогачев, А.Л. Монгайт, Г.Б. Федоров и А.А. Формозов.

Л.С. Клейн ставит в заслугу Г.А. Бонч-Осмоловскому то, что «в пору всеобщего увлечения раскопками широкой площадью... он предпочитал последовательное вскрытие небольшими участками и следил именно за вертикальной стратиграфией» (2, с. 474). Напомним, что Г.А. Бонч-Осмоловский раскапывал Киик-Кобу в 1920-е гг., когда ни о каких широких площадях речи не шло (первые раскопки широкими площадями П.П. Ефименко начал в Костенках через 5 лет после завершения работ в Киик-Кобе). Кроме того, Г.А. Бонч-Осмоловский работал не на стоянках открытого типа, а в пещерах, где всеми археологами, независимо от их установок, применяется вскрытие небольшими площадями с частым стратиграфическим контролем — по-другому пещеры копать просто невозможно!

Глава о С.Н. Замятнине почему-то названа «Открыватель и еретик». С.Н. Замятнин, действительно, был выдающимся «открывателем», но никогда не был еретиком и никакой, по выражению Л.С. Клейна (2, с. 486), «отличной от общепринятой и противостоящей ей концепции» палеолита не создал. Если под «еретиками» иметь в виду исследователей, сделавших не укладывавшиеся в традиционные представления открытия и столкнувшихся с непониманием, а то и прямой враждебностью со стороны коллег, то еретиками в истории отечественной науки о палеолите можно назвать лишь двух археологов. Это А.Н. Рогачев с его концепцией археологических культур в верхнем палеолите, и С.А. Семенов с трасологическим методом. Что касается последнего, то нельзя без волнения читать протоколы заседаний 1950-х гг. и поражаться полному непониманию сути и значения открытия С.А. Семенова со сторо-

ны лучших специалистов по палеолиту того времени.

Л.С. Клейн считает, что «Замятнину пре-тил тот ортодоксальный эволюционизм и стадиализм, в который Ефименко ударился в 30-х» (2, с. 488). Между тем, именно С.Н. Замятнин был самым твердокаменным стадиалистом в нашей археологии палеолита, куда более последовательным по сравнению с П.П. Ефименко и П.И. Борисковским. Его схема развития верхнего палеолита Закавказья чисто эволюционная и строго однолинейная.

Описание полевых работ С.Н. Замятнина (2, с. 488, 489, 491) страдает неточностями. Стоянку Бердыж в Белоруссии открыл в 1926 г. К.М. Поликарпович, а не С.Н. Замятнин. Жилище в Гагарино было обнаружено в 1927, а не в 1929 г. В Ахштырской пещере имеются следы не только «двух периодов заселенности» — здесь, помимо слоев мустье и верхнего палеолита, есть также ашельские остатки. Что «копал в Армении» С.Н. Замятнин с 1936 г., остается загадкой. На самом деле в эти годы исследователь занимался пещерами Западного Кавказа, а в Армении начал работать лишь после войны. Если уж зашла речь об Армении, то С.Н. Замятнин не открывал ни Арзни (это сделал А.П. Демехин в 1933 г., задолго до С.Н. Замятнина), ни Сатани-Дар (честь открытия данного памятника как палеолитического в 1945 г. принадлежит А.С. Сардаряну, хотя каменные орудия в данной местности собирал еще Жак де Морган).

Говоря о знаменитой работе С.Н. Замятнина «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода» (в книге она неверно названа «О локальных различиях в палеолите»), Л.С. Клейн пишет: «Замятнин пришел к выводу, что в верхнем и даже в древнем палеолите можно наметить большие области, различающиеся по культу-

ре» (2, с. 491). На самом деле С.Н. Замятнин (1951) как раз говорил о невозможности выделения культурных областей в нижнем и среднем палеолите, противопоставляя свое видение единства древнейшей культуры концепции Х. Мовиуса о наличии двух миров нижнего палеолита — западного, с рубилами, и восточного, с галечными орудиями. Кстати, новейшие открытия в Китае показывают, что прав был все-таки С.Н. Замятнин, а не Х. Мовиус, хотя были попытки сформулировать особенности нижнего палеолита восточной Азии не только в плане дихотомии рубила/галечные орудия (см. Ранов 1992). И лишь в верхнем палеолите С.Н. Замятнин выделил три гигантские по охвату области (европейскую приледниковую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую).

Наконец, ничем, кроме личных симпатий, не объяснить появления в ряду жизнеописаний выдающихся ученых заключительной главы, посвященной А.А. Формозову. Научные достижения А.А. Формозова весьма скромны и, во всяком случае, не идут ни в какое сравнение с делами всех остальных перечисленных в томе археологов. Известность данному персонажу принесла скорее серия скандальных публикаций, популярных в околоархеологических кругах и получивших справедливую оценку на страницах «Российской археологии» (2006, № 3).

Создание полноценной истории археологии советского и теперь уже постсоветского периода — дело будущего. Для дореволюционной археологии эта задача успешно решена Г.С. Лебедевым (1992). Безусловно, подобный труд должен опираться на длительную кропотливую работу с литературными и архивными источниками, тщательную сверку библиографии и критическую оценку мемуарных публикаций.

Литература

- Алексеева Л.И. 1998. Охотничья фауна стоянки Сунгирь. В: Бадер Н.О. (ред.). *Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда)*. Москва: Научный мир, 240—257.
- Бадер О.Н. 1978. *Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка*. Москва: Наука.
- Васильев С.А. 2008. *Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Герасимов М.М. 1941. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. *МИА* 2, 65—85.
- Городцов В.А. 1923. *Археология*. Т. 1. *Каменный период*. Москва; Петроград: Государственное издательство.
- Громов В.И. 1948. *Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР*. Москва: АН СССР.
- Ефименко П.П. 1928. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. *Человек* 1, 45—59.
- Ефименко П.П. 1934. *Дородовое общество*. Известия ГАИМК 79. Ленинград: ГАИМК.
- Ефименко П.П. 1958. *Костенки I*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Заднепровская Т.Н. (сост.). 2003. *Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900—1917*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Замятнин С.Н. 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. *ТИЭ* XVI, 88—152.
- Клейн Л.С. 2011. *История археологической мысли*.

- Т. I, II. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Клейн Л. С. 2014а. *История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время.* Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С. 2014б. *История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археология советской эпохи.* Санкт-Петербург: Евразия.
- Лебедев Г. С. 1992. *История отечественной археологии. 1700—1917.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Мережковский К. С. 1881. Каменный век в Египте и Сирии. *ИРГО* XVII (5), 287—312.
- Мочанов Ю. А. 1977. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.* Новосибирск: Наука.
- Окладников А. П. 1950. *Неолит и бронзовый век Прибайкалья.* Ч. 1, 2. МИА 18. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Окладников А. П. 1956. Древнее население Сибири и его культура. В: Левин М. Г., Потапов Л. П. (ред.). *Народы Сибири.* Москва; Ленинград: АН СССР, 21—107.
- Равдоникас В. И. 1939. *История первобытного общества.* Ч. 1. Ленинград: ЛГУ.
- Ранов В. А. 1999. *Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления).* Москва: б. и.
- Сукачев В. Н., Громов В. И., Бадер О. Н. 1966. *Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь.* Труды ГИН 162. Москва: ГИН.
- Тункина И. В. 2010. История отечественной археологии на современном этапе: антропологический поворот. В: *Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию.* Санкт-Петербург: Наука, 62—72.
- Childe V. G. 1956. Kostienki: East Gravettian or Solutrean? *Annual report of the Institute of Archaeology of the University of London* XII, 8—19.
- Okladnikov A. P. 1959. *Ancient Population of Siberia and Its Cultures.* Cambridge: Peabody Museum.
- Vasiliev S. A. 2004. La notion de sol d'habitat dans la préhistoire soviétique. In: Audouze F., Schlanger N. (eds.). *Autour de l'homme. Contexte et actualité d'André Leroi-Gourhan.* Antibes: APDCA, 275—283.
- Vasiliev S. A. 2008. A story of the missing chapter: Sergey Semenov and his discovery. In: Longo L., Skakun N. (eds.). «Prehistoric technology» 40 years later: *functional studies and the Russian legacy.* Oxford: Archaeopress, 513—518 (BAR International Series 1783).
- Vasiliev S. A. 2011. La préhistoire russe et François Bordes: les influences reciproques. In: Delpéch F., Jaubert J. (eds.). *François Bordes et la préhistoire.* Paris: CTHS, 71—85.
- Vasiliev S. A. 2014. Alexey Okladnikov and Sergey Semenov. In: Fagan B. (ed.). *The great archaeologists.* London: Thames and Hudson, 211—214.

References

- Alekseeva, L. I. 1998. In Bader, N. O., Lavrushin, Yu. A. (eds.). *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (pogrebeniia i okruzhaiushchaia sreda) (Late Paleolithic Site Sungir: Burials and Environment).* Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ., 240—257 (in Russian).
- Bader, O. N. 1978. *Sungir'. Verkhnepaleoliticheskaya stoianka (Sungir'. An Upper Paleolithic Site).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vasil'ev, S. A. 2008. *Drevneishie proshloe chelovechestva: poisk rossiiskikh uchenykh (The Earliest History of the Human-kind: Search by Russian Scientists).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gerasimov, M. M. 1941. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 2, 65—85 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiya. T. I. Kamennyi period (Archaeology I. Stone Age).* Moscow; Petrograd: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Gromov, V. I. 1948. *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozhenii chetvertichnogo perioda na territorii SSSR (Paleontological and Archaeological Substantiation of the Stratigraphy of Quaternary Continental Sediments on the Territory of USSR).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1928. In *Chelovek (Man)* 1, 45—59 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1934. *Dorodovoe obshchestvo: ocherki po istorii pervobytno-kommunisticheskogo obshchestva (Pre-Class Society: Essays on the History of the Prehistoric-Communist Society).* Reports of the State Academy for the History of Material Culture 79. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1958. *Kostenki I (Kostenki I).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Zadneprovskaya, T. N. (comp.). 2003. *Russkaya arkheologicheskaya literatura. Bibliograficheskii ukazatel'. 1900—1917 (Russian Archaeological Literature: Bibliographic Index. 1900—1917).* Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostoковедение" Publ. (in Russian).
- Zamiatnin, S. N. 1951. In *Trudy Instituta Etnografii (Proceedings of the Ethnography Institute, Academy of Sciences of the USSR)* XVI, 88—152 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli (History of Archaeological Thought).* T. I, II. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Klejn, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of the Russian Archaeology: Doctrines, Schools, and Personalities) 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremia (General Survey and Pre-Revolution Time).* Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Klejn, L. S. 2014. *Istoriia rossiiskoi arkheologii: ucheniia, shkoly i lichnosti (History of the Russian Archaeology: Doctrines, Schools, and Personalities) 2. Arkheologi sovetskoi epokhi (Archaeologists of the Soviet Epoch).* Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700—1917 (History of National Archaeology: 1700—1917).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Mereschkowski, K. S. 1881. In *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Reports of the Imperial Russian Geographic Society)* XVII (5), 287—312 (in Russian).
- Mochanov, Yu. A. 1977. *Drevneishie etapy zaseleniia chelovekom Severo-Vostochnoi Azii (Ancient Stages of Peopling of North-Eastern Asia).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1950. *Neolit i bronzovyi vek Pribaiikal'ia (Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal Region).* Parts 1, 2. *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 18. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Okladnikov, A. P. 1956. In Levin, M. G., Potapov, L. P. (eds.). *Narody Sibiri (Peoples of Siberia).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 21—107 (in Russian).
- Ravdonikas, V. I. 1939. *Istoriia pervobytnogo obshchestva (History of the Primitive Society) 1.* Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Ranov, V. A. 1999. *Rannii paleolit Kitaia (izuchenie i sovremennye predstavleniia) (Early Palaeolithic of China: Study and Recent Conceptions).* Moscow: s. ed. (in Russian).
- Sukachev, V. N., Gromov, V. I., Bader, O. N. 1966. *Verkhnepaleoliticheskaya stoianka Sungir' (The Upper Palaeolithic Site of*

- Sungir'). Proceedings of the Institute for Geology, Academy of Sciences of the USSR 162. Moscow: Institute for Geology (in Russian).
- Tunkina, I.V. 2010. In *Trudy ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediiu*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 62—72 (in Russian).
- Childe, V.G. 1956. Kostienki: East Gravettian or Solutrean? *Annual report of the Institute of Archaeology of the University of London* XII, 8—19.
- Okladnikov, A.P. 1959. *Ancient Population of Siberia and Its Cultures*. Cambridge: Peabody Museum.
- Vasiliev, S.A. 2004. La notion de sol d'habitat dans la préhistoire soviétique. In: Audouze, F., Schlanger, N. (eds.). *Autour de l'homme. Contexte et actualité d'André Leroi-Gourhan*. Antibes: Ed. APDCA, 275—283.
- Vasiliev, S.A. 2008. A story of the missing chapter: Sergey Semenov and his discovery. In: Longo, L., Skakun, N. (eds.). «Prehistoric technology» 40 years later: functional studies and the Russian legacy. Oxford: Archaeopress, 513—518 (BAR International Series 1783).
- Vasiliev, S.A. 2011. La préhistoire russe et François Bordes: les influences reciproques. In: Delpech, F., Jaubert, J. (eds.). *François Bordes et la préhistoire*. Paris: Ed. CTHS, 71—85.
- Vasiliev, S.A. 2014. Alexey Okladnikov and Sergey Semenov. In: Fagan, B. (ed.). *The great archaeologists*. London: Thames and Hudson, 211—214.

Статья поступила в номер 14 августа 2015 г.

Sergey Vasiliev (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Sergey Vasiliev (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Васильев Сергей Александрович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

Address: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation